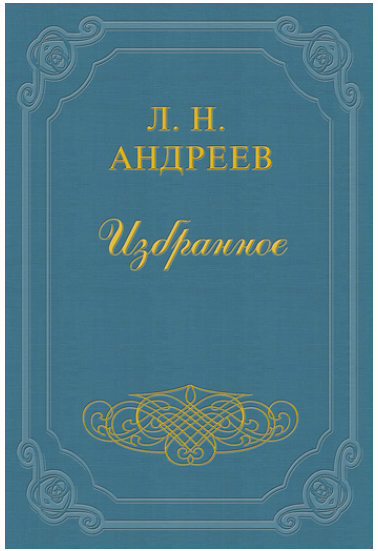

Л. Н.
АНДРЕЕВ
Избранное

Леонид Николаевич Андреев
Младость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805145

Аннотация

«В доме Мацневых на Посадской улице. Четверг Страстной недели, сияющий апрельский день; время к заходу солнца.

Просторный, провинциально обставленный зал-гостиная; у окон много зимних цветов, среди коих фуксия и уже зацветшая герань. Одно окно выходит в стеклянный коридор, идущий вдоль всего дома и кончающийся парадным крыльцом; другие четыре окна выходят на улицу – немощеную, тихую улицу, с большими садами и маленькими мещанскими домишками. Сейчас все заняты тем, что выставляют первую зимнюю раму. Собрались: сам Мацнев, Николай Андреевич, высокий, полный, красивый еще человек, со смуглым цыганским лицом; видимо, обычно носит русский костюм, но сейчас домашне и привычно распущен: красная шелковая, полурасстегнутая в вороте рубашка без пояса, широкие черные шаровары, внизу завязанные тесемочками…»

Содержание

Первое действие 4
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Леонид Николаевич Андреев

Младость

Повесть в диалогах

К постановке автором не разрешается

Первое действие

В доме Мацневых на Посадской улице. Четверг Страстной недели, сияющий апрельский день; время к заходу солнца.

Просторный, провинциально обставленный зал-гостиная; у окон много зимних цветов, среди коих фуксия и уже зацветшая герань. Одно окно выходит в стеклянный коридор, идущий вдоль всего дома и кончающийся парадным крыльцом; другие четыре окна выходят на улицу – немощеную, тихую улицу, с большими садами и маленькими мещанскими домишками. Сейчас все заняты тем, что выставляют первую зимнюю раму. Собрались: сам Мацнев, Николай Андреевич, высокий, полный, красивый еще человек, со смуглым цыганским лицом; видимо, обычно носит русский

костюм, но сейчас домашне и привычно распущен: красная шелковая, полурасстегнутая в вороте рубашка без пояса, широкие черные шаровары, внизу завязанные тесемочками. Вместо сапог – туфли. Ему всегда жарко. Александра Петровна, жена, добрая и всегда озабоченная. Старшая сестра Мацнева, вдова, одинокая женщина с характером – зовут все тетей Настей; и стоит и ходит, заложив руки в бока, курит. Гимназистик Вася, грязный, замусоленный, видно, что сейчас только возился в какой-то грязи; карманы оттопыриваются от бабок. Взволнован больше всех и всем лезет под ноги. Две взрослые гимназистки, семиклассницы: дочь Надя, скромная, тихая, мечтательная девушка, влюбленная в подругу, – и подруга Зоя Николаевна Пастухова. Дворник, он же и кучер Петр.

От одного окна цветы отодвинуты, и Петр, взгромоздившись на подставленный стол и тужась, тянет за веревку, продетую в кольцо на верхней перекладине рамы. Александра Петровна со страхом смотрит на раму и время от времени поднимает руки вверх, как бы готовясь принять свалившегося Петра и раму. Тетя Настя, самостоятельно заложив руки в бока, смотрит иронически. Гимназистки в стороне.

Мацнев. Да ты тяни, а не мусоль! Ну?

Петр. Да она не падает, Николай Андреич. Боюсь, как бы веревка не оборвалась, тогда я вам таких дров наделаю. – Не идет, говорю.

Александра Петровна. Ну, конечно, оборвется. Петр, Петр!

Мацнев. Дай-ка я… Эх, ты, ворона!

Тетя *(иронически)*. Сам собрался – да тебя, батюшка, и стол-то не выдержит.

Вася. Пусть папа, – папа, полезай! Лезь, папа.

Мацнев *(пробует стол).* А ведь – правда, не выдержит. Петр, принеси-ка стол из кухни.

Александра Петровна. Да не надо, Николай Андреич. Ну, что ты собрался к вечеру рамы выставлять, еще захолодает.

Вася *(возмущенно).* Ну, что ты, мама, говоришь! Такая жара, а она…

Тетя. Уж оставь его, Саша: приспичило. Петр, а ты и правда на голову-то не свались, не легонький!

Петр *(тужась).* И свалишься!

Вася. Папа, пусть он вожжи возьмет. Новые, они крепкие.

Мацнев. Не мешай, Васька! А и то правда: принеси-ка, Петр, вожжи. Старые возьми.

Вася. Нет, новые! Новые, Петруша, возьми.

Александра Петровна. Да не мешай ты, Вася.

Петр *(выходя).* Лодыжки-то рассыпал, подбери, – игрок!

Вася. Где? *(Подбирает, толкая сестру.)* Пусти, Надька, под тебя закатилась. Да пусти ты, когда тебе говорят: расставилась, как барыня!

Надя. Ну, и выражаешься ты, Васька.

Мацнев. Васька! Не выражайся.

Вася. А чего ж она?

Мацнев *(делая вид, что сконфузился за свой костюм перед барышней).* Ах, простите, что я без галстука.

Как будто хочет поднять подол рубашки и закрыть им шею. Вася хохочет.

Надя *(смущенно).* Ну, ты всегда, папа.

Александра Петровна. Оставь, Николай Андреич!

Вася. Я тоже без галстука. Смотрите.

Поднимает вверх куртчонку, опять вываливаются бабки.

Надя. А у вас уже выставлены рамы, Зоечка?

Зоя. Нет, у нас они просто как-то открываются. Николай Андреич, а правда, что сегодня очень хороший день?

Мацнев. Правда, Зоенька, правда святая. – А ну-ка, Петр! – А ты где был, Всеволод, помогай.

С Петром вошел старший сын, Всеволод, студент.

Всеволод. В саду яблони окапывал. Что выставлять? Можно.

Вася *(с диким пафосом поет).* «Выставляется первая ра-

ма, и в комнату шум ворвался…»[1]

Александра Петровна. Да замолчи ты, Вася, оглушил!

Мацнев. Васька! – Продел, Петр?

Петр *(тужась).* Готово. Э – ты! не идет.

Всеволод. Пусти-ка, Петруша.

Вскакивает на стол.

Александра Петровна. Не надо, Севочка, упадешь. Скажи ему, Николай Андреич!

Тетя. Теперь уже молчи, Саша. Герои! В молчании Всеволод тянет вожжи, постепенно вытягивая раму; Вася тянет также за свободный конец вожжи; все глядят вверх; Петр и Мацнев, подняв руки, поддерживают и принимают отлипшую раму.

Вася *(кряхтит).* Здорово!

Взволнованное молчание. Петр выносит раму, все невольно толпятся к окну, отодвигают стол; Мацнев старается распахнуть окно.

Александра Петровна. Погоди, Коля, дай хоть замазку смахнуть.

Мацнев. Ладно. Смахивайте.

---

[1] *«Выставляется первая рама, и в комнату шум ворвался…»* – начальные строки из стихотворения (без названия) А. Майкова (1854).

Распахивает окно. В комнате сразу становится просторно и светло: почти видно, как льет весенний воздух. И слышны уличные весенние голоса, клохтанье кур и отдаленные веселые крики играющих во что-то ребят. Мацнев раздувает ноздри: так нравится ему воздух. Вася лезет к окну, но его оттесняют.

Тетя. И правда, теплынь. Слава Богу, вот и опять дождались тепла – да ты что, Вася, прямо на ноги лезешь, у меня, голубчик, мозоли!

Вася. Я нечаянно!

Мацнев высунулся в окно и смотрит.

Всеволод *(Зое).* Хотите подойти?

Зоя. Спасибо. Надя, ты хочешь?

Вася. Да пустите вы меня!

Александра Петровна принесенной тряпкой смахивает с окна замазку, убирает вату. Ей помогает и тетя Настя.

Тетя. Пусти на минутку, Коля. Вася, отойди.

Александра Петровна. Господи, да когда же ты перестанешь лезть, Вася! Скажи ты ему, отец.

Мацнев. Не мешай, Васька!

Вася. Никому я не мешаю, это вы мне мешаете!

Вдруг плачет с ревом, распуская карманы с бабками, весь обмокая.

Только и слышу: Васька, не мешай! Только и слышу! Как сами, так хотите смотреть, а как Васька подошел, так…

Мацнев *(не оглядываясь)*. Ну, ну – взревел.

Вася. Тут взревешь! Как сами, так хотите, а как я подошел раз… нюхнуть, так вам не хватило!

Александра Петровна. Ну, перестань, ах, вот же глупый! Ты целый же день по улице бегаешь. Ну, и нюхай, дай только пыль стереть.

Вася. Знаю, какая это пыль! Как сами…

Александра Петровна. Видишь, что и папа ждет. Ну, и нюхай, – ах, какой глупый!

Вася. Надька, не смейся!

Всеволод. Вот глупый Васюка. – Пойдемте в сад, пока здесь приберут.

Зоя. Пойдемте. Вы деревья окапываете? От вас землей пахнет.

Всеволод. Да так. В земле копаюсь.

Надя *(выходя с остальными)*. Идемте. Он сегодня оттого злится, что в бабки проиграл. Приготовишка!

Вася *(яростно)*. Врешь, окаянная!

Александра Петровна. Ну, Вася, – да что это с тобой?

Ты что, белены объелся?

Вася. А чего ж она!

Теперь в комнате трое: сам Мацнев, который, облокотившись на подоконник, молча и жадно смотрит на улицу, мать и Вася.

Мацнев *(не оборачиваясь).* Ну, иди уж, Васька.

Вася. Тут даже негде, ты все окно загородил.

Мацнев *(подвигаясь).* Становись. – Ты вот что, мать, – ты вот что: дай-ка мне сюда стаканчик чайку. Хочу попить со свежим воздухом.

Александра Петровна. Не простудись, Коля.

Мацнев *(нетерпеливо).* Ничего, ничего. Неси.

Александра Петровна. Сейчас, самовар уж готов. – Ты что шепчешь, Вася? Я не слышу.

Вася *(шепчет, умоляя)*. Мамочка, ну, Христа ради, дай и мне стаканчик чайку сюда, я с папой. Мамочка, если ты не дашь!..

Александра Петровна. Спроси отца. Николай Андреич, можно ему чаю сюда, я жиденького?

Мацнев *(равнодушно).* Незачем.

Вася. Ну, папочка!

Мацнев. Дай. Ну, иди сюда, клоп.

Садится на стул у окна, Вася стоит подле в заискиваю-

щей позе, говорит льстиво.

Вася. Тебе нравится, папа?

Мацнев. Нравится. А тебе?

Вася. Мне тоже. Мне очень.

Мацнев. Что ж тебе нравится? Улица? – Вася. И улица, и разное.

Мацнев. А давно ты улицу видал?

Вася. Так это совсем другое дело: отсюда смотреть!

Мацнев. Красивее?

Вася. Понятно, красивее.

Александра Петровна сама приносит два стакана чаю.

Мацнев. Спасибо, мать. Слышишь, как ракитой пахнет, цветет уже. Хорошая, мать, весна.

Александра Петровна. Она всегда, Колечка, хорошая.

Мацнев. И Пасха будет хорошая. Поцелуй-ка меня в голову, мать. А Васька-то?

Александра Петровна. Ну, если только он мне простудится…

Вася. Не простужусь, не таковский.

Александра Петровна. Вот увидим, каковский ты. Ну, пейте, пейте. И не обжигайся, Вася.

Выходит. Отец и Вася молча, оба с блюдечек, пьют чай.

Вася пьет благоговейно и несколько подобострастно.

Вася. А как чай пахнет с воздухом. Хорошо, папа?

Мацнев. Хорошо. Васюк, *ты* рад, что две недели гулять? Постой, сегодня четверг?

Вася. А то что же? Сегодня из церкви со свечками пойдут. А ты рад?

Мацнев. Чему?

Вася. Что тоже гулять?

Мацнев. Тоже рад.

Вася. Все рады. Папа, а ты знаешь, чьи это куры?

Мацнев. Нет, а чьи?

Вася. Ей-Богу не знаешь? Совсем не знаешь?

Мацнев. Нет. Та, куцая, что-то знакомая, где-нибудь встречались.

Вася *(хохочет).* Встречались! Да это наши!

Мацнев. Да ну?

Вася. Да ей-Богу же! Честное слово! А он смотрит и не знает, говорит, знакомая.

Мацнев. А кто ей хвост выщипал? Не ты?

Вася. Конечно, я этим не занимаюсь. Да наша же Жучка и выщипала. – Папа, я выпил.

Мацнев. На здоровье.

Вася. Папа, а тебе не скучно будет, если я пойду? Ты один посиди.

Мацнев. А что, дела есть?

Вася *(вздохнув).* Есть. Ты не скучай, маму позови. А мне нельзя. Хочешь, я велю тебе еще чаю принести. Пей. Хочешь?

Мацнев *(в тяжелом раздумье).* Да как тебе сказать, Вася, чтобы не соврать?

Вася *(нетерпеливо).* Ну?

Мацнев. Конечно, – с одной стороны, отчего и не выпить?

Вася. Ну да! Только говори скорее! А с другой?

Мацнев. Но, с другой, если вдуматься – понимаешь, вдуматься…

Вася. Ну?

Мацнев. А с другой… *(Смеется.)* Ну, вели, вели. Постой: стакан захвати!

Вася выходит со стаканом. Мацнев один, смотрит в окно, тихонько напевает на мотив Васькиного пения: «Выставляется первая рама…»

Входят Надечка и Зоя.

Зоя. Все в окно смотрите, Николай Андреич? А я к вам проститься, домой иду.

Мацнев. Что ж так рано, Зоенька? Мало вы сегодня у нас покрасовались.

Зоя *(улыбаясь).* Надо, ждут. Какой у вас красивый сад – неужели это правда, что вы сами весь его насадили?

Мацнев. Сам.

Надя. Я тебе ж говорю, что сам. Теперь веришь?

Мацнев. До меня, как я эту землю купил, тут огород был, капусту садили. А что, хорош?

Зоя. Очень хорош. Но вы такой еще молодой, а деревья совсем большие. Скоро они зацветут – какая у вас будет красота! Я к вам буду приходить к экзаменам готовиться, можно? Меня Надечка зовет.

Надя. О чем ты папу спрашиваешь? Смешная!

Мацнев *(улыбаясь).* Приходите. Одним цветком будет больше. Ах, простите, что я без галстука!

Надя. Ты опять, папа! – Папа, мы с ней сегодня вместе к стоянию пойдем.

Входит со стаканом чаю Александра Петровна.

Александра Петровна. С Зоей Николаевной? Но я сама с тобой вместе хотела, как же ты так! Придется нам вдвоем с теткой, видно… ну, ничего, зато и скорее будет, мы с ней на лошади поедем. А Сева не с вами, взяли бы вы его!

Надя. К нему сейчас Нечаев придет. Они для нас слишком важны!

Зоя *(улыбаясь).* Нечаев не важен.

Александра Петровна. Нечаев придет, как же это? А в доме никого не будет, так они и будут в пустом доме сидеть? Марфа тоже к стоянию идет, я ей обещала, им и самовара

подать некому. Или мне остаться?

Мацнев. Пустяки, Саша, иди себе. И так посидят. А вы вот что, Зоенька, после стояния вашего приходите с Наденькой к нам, Нечаев нам на гитаре сыграет…

Александра Петровна. Да что ты, да разве сегодня можно? Опомнись, Коля!

Мацнев. А что, нельзя? Ну, так, если гитары мать не позволяет, я галстук надену, усы нафабрю – приходите.

Надя. Папа в тебя влюблен *(шепотом, страстно),* Зойка, приходи! Непременно, слышишь!

Мацнев. Папа влюблен. Влюблен папа, только маме не говори.

Александра Петровна. А маме что! Приходите, Зоечка, приходите.

Зоя. Право, не знаю, постараюсь. У вас так хорошо, что, вероятно, приду, если дома только не задержат. На наших улицах, среди камня, даже весны как-то незаметно – вы бы так не могли жить, Николай Андреич?

Мацнев. Не мог бы, Зоенька. Я первобытный человек: на краю города еще могу, около города еще помещаюсь, а в самую вашу гущу залезть – сдохну.

Надя. Папа ни за что не стал бы жить в городе, если бы не служба. Ну, надо идти, Зоечка! До свидания, мама.

Целуется с матерью, Зоя прощается, уходят.

Александра Петровна. У них свой дом на Дворянской и тоже сад, Надя говорит. Вот странно, Коля: семь они лет вместе учатся и как будто друг друга не замечали, а этот год водой их не разольешь! Мне она тоже нравится, воспитанная девочка, но чтобы так влюбиться в нее, как наша Надя…

Мацнев. Куда ты, Саша? Посиди, поговори.

Александра Петровна. Да некогда мне, Колечка, насчет ужина надо еще распорядиться, ведь мы сейчас идем с тетей… *(Выглядывает в окно.)* А и правда, как хорошо пахнет! – ракита эта, что ли? Хорошо!

Мацнев. Сядь. Ракита. А ты видала, какие у нас завязи на сирени?

Александра Петровна. Ну, рано еще!

Мацнев. А ты посмотри-ка, Саша, взгляни-ка: Мишка Додончик начал крышу перекрывать, да так и не кончил: теперь Пасху так простоит.

Александра Петровна. Да и то! Вот пьяница! – Надо идти мне, Коля, кажется, к Первому Евангелию звонили уж.

Мацнев. Поспеешь, Саша, а на будущий год я решил: бросаю банк – и в деревню. Мне Иван Акимыч говорил: есть тут одно именьице десятин семьдесят, но пречудесное… Вот бы! Саша!

Александра Петровна. А дом?

Мацнев. Продам, конечно.

Александра Петровна. Жалко будет, Коля, привыкла я!

Мацнев. Там я еще лучше устрою. А тут что нам делать

одним? Всеволод в Москве, Надя осенью туда же, ну, а Ваську у дяди устроим…

Александра Петровна. Это верно: Петр с удовольствием его возьмет. А на лето к нам. Да и те приедут, старшие – им тоже будет хорошо.

Мацнев. Саша, а тишина-то какая, а ширь-то какая. Хорошо у нас, а все город, а там вот теперь, когда солнце заходит… Или пойти по меже среди зеленей… Тесно тут!

Александра Петровна. И не говори – а я разве не отдохнула бы? Вот теперь Пасха, гости, голову потеряешь. Марфа-то наша и куличей поставить сама не умеет… Ты говоришь: сирень, а я и в сад-то сегодня зайти не могла, все некогда!

Мацнев. А ты все-таки зайди. – А хорошо бы еще на свете пожить, Саша! Годков так бы тысячу!

Александра Петровна. Куда нам столько! – Слышишь: опять у Михаила Архангела звонят. Надо идти.

Молчание. Оба задумались.

Коля!

Мацнев. Что?

Александра Петровна. Что-то, мне кажется, лицо у тебя почернело последнюю неделю? Может быть, это только от воздуха, а я все-таки боюсь.

Мацнев. Волка бояться, в лес не ходить. *(Вздыхает.)*

Эхма, кабы денег тьма: купил бы собачку и весь день брехал бы на нее!

Заметно смеркается. Входит тетя Настя.

Тетя. Саша, ты что же это? Я тебя по всему дому ищу, а она расселась! Одевайся, матушка, пора, для тебя поп на бис петь не станет!

Александра Петровна. Да вот этот заговорил. Сейчас!

Мацнев. Да куда вы, стрекозы! Успеете еще. Настя, а скажи-ка про Всеволода: хорош? Видала, как девицы на него посматривают? Что ж, язва, молчишь!

Тетя. Герой!

Мацнев. А я уж и не герой?

Тетя *(подходя ближе и кладя руки в бока).* Ты, Коля, – я прямо это скажу – в его года такой был, что все от тебя с ума сходили!

Мацнев. В воду бросались – сколько тогда утонуло, я помню!

Тетя. В воду не бросались, а по бережку ходили. Вот она тебя не знала, а ведь все это на моих глазах, Николай Андреевич, было!

Мацнев *(посмеиваясь).* Всю жизнь за мной шпионишь: дал Бог сестру!

Тетя. Бог, а то кто же? Это мужа иногда или жену черт дает, а сестру всегда Бог. Моего Сергея Марковича черти у

всех на глазах ко мне привели, только я одна не замечала. Говорит, бывало, покойничек, напившись: что это, Настя, все черти около нас вьются, а мне и невдомек, что это сваты наши… тьфу, тьфу, согрешила! Если бы ты, Коля, пораньше пить бросил, да не прожигал бы жизнь, как солому, да не…

Мацнев. Поехала! Ты с горы-то осаживай. Полегче!

Тетя. И поеду! Она тебя не знала…

Александра Петровна. Да что ты, Настя, в самом деле: как это я его не знаю?

Тетя. А так, что и не знаешь. Твой Всеволод – пачкун перед ним! У Коли взгляд был орлиный, всегда немного исподлобья, гордый: ко мне не подходи, я сам все вижу, спуску никому не дам…

Александра Петровна. Да и Всеволод исподлобья. А мне это и не нравится! Взгляд должен быть открытый, ясный, светлый…

Тетя. Много ты смыслишь, Саша! Вот у моего Маркыча взгляд был не только что светлый, а прямо-таки луженый, а кроме чертей, прости Господи, никого не видал. Рассердилась я раз, взяла его за вихор и сама его в часть повела. Показываю ему на каланчу: это что, голубчик? А он задрал голову вверх, посмотрел и говорит: полбутылки. Хоть бы бутылка сказал!

Мацнев смеется, Александра Петровна сердита.

Александра Петровна. Твой Сергей Маркыч был очень добрый человек. А вот вы вдвоем всегда против меня, даже детей не смею любить…

Мацнев *(улыбаясь, гладит ее по плечу).* Не глупи, Сашенька…

С готовым ревом вбегает Вася.

Вася. Папа, пусти меня, они меня, эти, не пускают! я тоже к стоянию пойду. Папочка, пусти! Мне Петруша фонарик для свечки сделал, я целый год собирался, только и думал… Пусти!

Мацнев. Ну, взревел – перестань. Тебе говорю. Отчего его не пускаете – пусть идет. Ступай.

Александра Петровна *(решительно).* Ну, тогда пусть с нами едет, иначе не пущу.

Вася *(с новым сильнейшим ревом и так же решительно).* Тогда не надо мне совсем, не поеду я с вами, с такими. Какая я вам компания? Мне Петруша фонарик, я с фонариком…

Александра Петровна. Да поздно назад, поздно, тебе говорят! Темно.

Вася. Всем человекам не поздно, а мне поздно. Я фонарем дорогу освещать буду. Папа, скажи им!

Мацнев. Да пусть идет. Иди, – не реви только, как осел.

Вася. Нет, ты что мне, – ты им скажи!

Мацнев *(смеется).* Сказал, видишь, – побледнели. Ну,

проваливай.

Вася *(убегает).* Не выгорело, тетки!

Александра Петровна. Да что ж это такое – прямо белены объелся! Балуешь ты его, отец.

Мацнев. Это он в первобытное состояние обратился. Ничего!

Тетя. Герой!

Александра Петровна. Его теперь за книгу…

Мацнев. Что? А вот я с вами так поговорю.

Внезапно охватывает обеих за плечи и начинает жать так, что обе пищат.

(Как будто не слыша.) Ты что говоришь, Саша – не слышу? А ты что говоришь, Настя? Что? Не слышу. Кто не пускает?

Входят Всеволод и Нечаев, офицер. Мацнев выпускает женщин, те бранятся, оправляются. Здороваются.

Тетя. Как был медведь, так медведем и остался.

Александра Петровна. Задушил совсем. Здравствуйте, Корней Иваныч.

Тетя. Видите, молодой человек, как из теток дуги гнут – вот поспорьте с таким героем. Или вы тоже герой?

Нечаев. Разве только по долгу службы, Настасья Андре-

евна. Выставили окошечко, Николай Андреич, посиживаете? Ах, до чего хорошо у вас тут, словно в деревню попал. Какой воздух, какая ясность красок!

Тетя. Ну, мы поплелись, Коля. Идем, идем, Саша, – к шапочному разбору.

Уходит.

Мацнев. Идите, идите. – Правда, хорошо?

Нечаев. Замечательно! И в саду у вас такое великолепие: трудно поверить, что до Рядов всего полчаса ходьбы.

Мацнев. Двадцать пять минут.

Всеволод. Ну, это, папа, как шагать! А чаю ты уж подожди, Иваныч, в доме ни души; впрочем, они скоро вернутся. Пройдемся или посмотрим в окно, как со свечками пойдут?

Мацнев. Некуда идти, посидите, ребятки. А я пойду по дому и поброжу, потом и чаю попьем. Ты, Всеволод, матери не говори, что я опять пошел в своей шубе на рыбьем меху, браниться будет.

Нечаев. А вам и вправду не холодно, Николай Андреевич? Солнце зашло, посвежело.

Мацнев *(с порога)*. Мне всегда жарко.

Всеволод и Нечаев некоторое время молча ходят по комнате. Курят.

Всеволод. Вот человек! Вот так вот все свои часы он хозяйственной тенью бродит по дому. Теперь в сад пойдет и будет каждую почку пробовать, потом по сараям; на днях я полез зачем-то на чердак, – а он там стоит и в слуховое окошечко смотрит. И так он может смотреть по целым часам.

Нечаев. Свое царство!

Всеволод. Мало уж очень его царство, он большего заслуживает. И особенно это у него весной; мне кажется иногда, что он тоскует о чем-то.

Нечаев. А подойти?

Всеволод. Нет, как можно! Он никогда о своем не говорит, так и умрет, пожалуй, не сказавши.

Нечаев *(беря его за руку).* Как и ты, Сева?

Всеволод. Ну, я-то еще говорю. Разве тебе я мало сказал?

Нечаев. Много. Но и я тебе все сказал, Сева. Мы – одна душа, правда? Послушай, как по-твоему: хорошо? «На заре туманной юности всей душой любил я милую…»[2]

Всеволод. Чье это?

Нечаев *(поднимая остерегающе палец).* «Всей душой любил я милую. Был в очах ее небесный свет, а в груди горел огонь любви». Нет, правда, хорошо?

Всеволод. Хорошо. – Да – и все мне кажется, что он, отец, моложе меня: во мне есть какой-то холод, какая-то темная

---

[2] *«На заре туманной юности всей душой любил я милую…»* – начальные строки романса А. Л. Гурилева, написанного на слова стихотворения А. В. Кольцова «Разлука» (1840). «На заре туманной юности» – один из первоначальных вариантов названия пьесы «Младость».

печаль…

Нечаев. Опять, Всеволод?

Всеволод. Все время, и днем и ночью. – А если он тоскует, то разве только об уходящей жизни… Какое сокровище, подумаешь! Недавно купил он у Рейхерта зрительную трубу, и они вдвоем с Васькой по целым дням сидели на крыше: окрестности в трубу разглядывали! А мать снизу смотрит на них и все боится, как бы не свалились.

Нечаев. Нет, это трогательно. Всеволод, это очень трогательно! Какая, значит, жажда смотреть! Какая, значит, потребность расширить горизонт и… Нет, непременно попрошу Николая Андреича взять меня на крышу… Он не обидится?

Всеволод. Нет, конечно. – Между прочим: ведь наши все совершенно не догадываются о том, что со мной происходит. Спокойны.

Нечаев. А что, Сева – неужели ты и до сих пор?

Молчание. Почти стемнело. Вдали несколько монотонных ударов колокола.

Всеволод, скажи, я не ошибаюсь – самоубийство?

Всеволод. Я уже давно говорил тебе. А ты что же думал, Корней?

Нечаев. Не сердись! Нам последнее время совсем не удавалось поговорить…

Всеволод. Не удавалось? – Странно! Как же это может случиться, чтобы друзьям, у которых одна душа, не удавалось поговорить? Кстати: ты отчего вчера не пришел? Ты ведь обещал?

Нечаев. Ты ждал меня?

Всеволод. Ждал.

Нечаев. Да, ты прав, Всеволод, я виноват, я слишком много таскаюсь по людям, занимаюсь пустяками. Но ты знаешь, что я человек слабый, даже совсем слабежь – не то, что ты; и один, без людей, я просто не мог бы вынести того, что во мне.

Всеволод. А разве ты один?

Нечаев. Прости, опять не то. Ерунда, ерунда!

Молчание.

Сейчас я встретил Зою Николаевну с твоей сестрой, к стоянию пошли.

Всеволод. Да, я знаю. – Ты вчера гулял с нею в городском саду?

Нечаев. Да, случайно встретил. *(Решительно.)* Гулял.

Всеволод. Оттого и ко мне не пришел?

Молчание.

Лампу не зажечь, темно?

Нечаев. Нет. – Какая у вас в доме тишина!

Всеволод. Никого нет, все в церковь ушли.

Нечаев *(подходя к окну).* И на улице тихо. *(Вздыхает.)* Какая чудесная тишина!

Молчание.

Всеволод. Ты говоришь, Корней Иваныч: одна душа – но, кажется, ты совсем не знаешь, что такое дружба. Вот сейчас ты, вероятно, подумал, что я ревную к тебе Зою, как влюбленный мальчишка, но это неправда. Я давно уже сказал тебе, что совсем и навсегда я отхожу от этой девушки, с которой мы никогда и не говорили даже, и что ты…

Нечаев. Послушай, Всеволод!

Всеволод. И что ты в твоем отношении к ней совершенно свободен. Я говорил это?

Нечаев. Говорил. *(Тихо.)* Но мне это не нужно.

Всеволод. Дело твое.

Молчание.

Нечаев. Всеволод! Я человек мелкий, я человек ничтожный, сознаю это, и в этом невыносимое страдание моей жизни – тебе это известно. Но я никогда не позволю себе взять девушку, которую ты так великодушно…

Всеволод *(резко).* Она не моя, и я не могу ее давать. Бес-

смыслица! Но если *бы я… если* бы я мог давать ее кому хочу, то – знаешь, кому бы я дал? – Отцу. Нет, не подумай, пожалуйста, что отец влюблен, пустяки – но если бы ему было столько лет, как мне, – он любил бы ее. И она любила бы его, а не нас… что мы для нее! И если я решил покончить с собой…

Нечаев. Решил?

Всеволод. То не потому, что я влюблен, – что мне до этой женской, земной, человеческой маленькой любви, которая никогда не ответит мне: зачем я живу! Другие видят, а я смысла в жизни не вижу, Корней! Для всех весна, а у меня весной такая невыносимая, острая, мучительная тоска – зачем все это, когда я умру, сдохну, как последняя собака, умру, как скоро умрет мой отец! Для всех цветы – а для меня это цветы на чьем-то гробу! Сейчас весь город радуется, молится, в весенней тишине ждет какого-то благостного откровения, а для меня… Зачем? Зачем все это? И неужели ты думаешь, что для меня может что-нибудь значить любовь Зои, твоя измена? Только немного больше тоски, лишняя бессмысленная слеза – и больше ничего.

Нечаев. Прости! Прости меня, Сева! Я не знал, что тебе так больно, что ты так мрачен, друг мой!

Всеволод. А откуда же тебе знать? Странно! Когда твой друг в одиночестве грызет себе пальцы от смертной тоски – ты гуляешь в саду с какой-то девчонкой! Миленькая жизнь, в которой такие друзья! Когда-то ты говорил, клялся, что всю-

ду, в жизнь и в смерть, мы пойдем вместе, что ты никогда не оставишь меня одного, – а теперь ты гуляешь по саду? Хорошо там было, Корней? – Одна душа!..

Нечаев. Какой я подлец!

Всеволод. По крайней мере, вы могли бы подождать, пока я покончу с собой.

Нечаев. Всеволод!

Всеволод. Что?

Нечаев. Ты меня презираешь?

Молчание.

Может быть, мне уйти, Всеволод?

Всеволод. Зачем же. Посиди. Сегодня у нас будет Зоя Николаевна.

Нечаев, уже взявший фуражку, кладет ее и решительно садится на место.

Нечаев. Хорошо, я останусь.

Продолжительное молчание. Входит Мацнев, не сразу замечает сидящих.

Всеволод. Папа!

Мацнев. Фу-ты: сидят и молчат. Что это вы, ребята? От-

чего свету не зажжешь, Сева?

Всеволод. Нам и так хорошо. Зажечь?

Мацнев. А вам хорошо, так я и не жалуюсь. *(Подходит к окну.)* Какой теплый вечер, завтра все выставим. Корней Иваныч, приходите-ка завтра утречком рамы выставлять, мы без армии не обойдемся.

Нечаев. С удовольствием, Николай Андреич. Приложу все силы.

Мацнев. Сейчас и со свечками пойдут. А заря-то еще горит, как поздно солнце заходит! Всеволод, это ты на правой дорожке яблони окопал или Петр?

Всеволод. Я. А что?

Мацнев. Ничего, хорошо.

Нечаев. Николай Андреич, мне Всеволод говорил, что у вас есть хорошая зрительная труба, можно как-нибудь посмотреть?

Мацнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.